

К столетию Никиты Ильича Толстого
To the 100 Anniversary of Nikita Ilyich Tolstoy

Т.И. Вендина (Москва, Россия)

Статья, посвященная академику Н.И. Толстому, является скромной данью глубокого уважения к этому труженику науки, чья разносторонняя научная деятельность и как ученого, и как педагога во многом способствовала развитию славянского языкознания.

**Н.И. Толстой и новые направления в культурно-языковой диалектологии
(к столетию Никиты Ильича Толстого)**

T.I. Vendina (Moscow, Russia)

**Nikita Tolstoy and New Trends in Cultural and Linguistic Dialectology
(on the centenary of Nikita Ilyich Tolstoy)**

Писать и говорить о Никите Ильиче – это значит писать и говорить о развитии славистики, причем не только в России, но и за рубежом.

Никита Ильич обладал широким кругом научных интересов, что позволило ему во многом предопределить новые направления в лингвистике и прежде всего в диалектологии.

В своих лекциях и многочисленных работах он постоянно говорил о необходимости рассматривать тот или иной славянский диалект как этнографическую единицу. При этом он стремился преодолеть существующие в диалектологии стереотипы лингвистического анализа и повернуть диалектологию к человеку и традиционной духовной культуре славян, доказывая тем самым возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии. «В нашу пору, когда наука о диалектах, казалось бы, добилась своей полной автономии и самостоятельности с применением разных методов исследования... она начала испытывать острую нужду в союзе или даже в единении с этнографией. Эта тяга к сближению проявляется не только в историко-диалектологическом аспекте... но и в области синхронно-типологической диалектологии, прежде всего в ее лексико-семантической сфере» [Толстой 1997: 225]. Объяснял он это тем, что «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую» [Толстой 1995: 21]. Между тем понятие культурного диалекта, считал он, «мало используется в славянской этнографии и тем более культурологии, в то время как оно очень существенно для диахронических исследований и является ключевым в опытах

реконструкции праславянской духовной культуры и лексического фонда праславянского языка» [Толстой 1995: 37].

Диалектное слово, по его мнению, представляет собой культурное творение, которое нельзя понять, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии. Вот почему при изучении любой культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры как наиболее устойчивой и консервативной, отсылающей к истокам национальной культуры. В диалектах до сих пор живут различные формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека традиционной культуры, так как диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» [Гумбольдт 1984: 71]. Не случайно осмысление языка культуры (как, впрочем, и естественного языка) начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку именно словарь определяет логико-понятийную сеть языка, лексика которого является самым чувствительным индикатором культуры. Исследование словаря поэтому служит в первую очередь постижению понятийного мира народа. Изучая диалектное слово, мы сможем понять подлинную сущность и нашей культуры, ибо именно диалектное слово «выступает неким концентратом культуры нации» [Лихачев 1996: 29].

Благодаря Н.И. Толстому компаративистика смогла раздвинуть рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию, позволившую понять ту логику, которой руководствовался язык при отборе тех или иных мотивационных признаков в качестве ведущих при номинации реалий внешнего мира. Благодаря ему сформировалось и новое направление в культурно-языковой диалектологии – этнолингвистика, в которой исследование диалектного слова и диалектной фразеологии ведется сквозь призму культурной антропологии. Перед диалектологией открылось новое поле исследований, связанных с лингвистической реконструкцией когнитивной структуры диалектного слова.

Актуальность идей Никиты Ильича доказывает и такой проект, как «Общеславянский лингвистический атлас», работа над которым началась также во многом благодаря Н.И. Толстому. Если обратиться, например, к таким томам Атласа, как т. 9 «Человек» (Kraków, 2009), т. 12 «Личные черты человека» (Москва, 2020), то нетрудно увидеть, что на картах Атласа отразилась не только лингвистическая дифференциация диалектов, но и культурологическая. Диалектное слово говорит о том, что выбор его мотивационного признака не является случайным, он предопределен интересами человека и имеет свою культурную мотивацию. И в этом проявляется феномен влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации диалектного слова (влияние на язык психофизиологического механизма сенсорного восприятия) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык религиозно-мифологических, философских воззрений, социально-нормативных предписаний и запретов, существующих в традиционной культуре).

Если принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами (типом культуры, конкретными условиями общественной жизни), благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую.

Иллюстрацией культурно-языковой дифференциации славянских диалектов может служить процесс антропологизации диалектного слова, ярко выраженный на картах т. 12 Атласа «Личные черты человека». Карты, входящие в этот том,

представляют человека как субъекта деятельности и носителя сознания в разных его «ипостасях», а именно – как организм и как личность.

Человек как организм (или «природный человек») предстает в виде совокупности его телесных и материальных свойств, генетически унаследованных от родителей и претерпевших лишь некоторые изменения в процессе жизненной эволюции (см., например, к. 1 'лысый' (о человеке), к. 4 'кудрявый', к. 5 'рыжий', к. 8 'нѣтъ(-жъ)', к. 10 'слепой человек', к. 11 'косоглазый, с косыми глазами' (о человеке), к. 16 'горбатый человек', к. 19 'человек с большим животом', к. 21 'толстый человек', к. 23 'худой человек', к. 25 'человек с большой головой', к. 27 'человек с большой бородой', к. 29 'человек с большими усами', к. 30 'красивый' (о человеке), к. 31 'сильный, обладающий физической силой' (о человеке), к. 12 'глухой человек', к. 17 'хромой', к. 13 'человек, который работает левой рукой, левша' и др.).

Человек как личность рассматривается как социокультурный индивид, как субъект – носитель сознания и самосознания: эта группа имен описывает, с одной стороны, **психологические** особенности человека, определяющие его индивидуальность в единстве эмоционального и интеллектуального начал (см., например, к. 32 'глупый человек, дурак', к. 39 'человек, который любит хвалиться, хвастун', к. 42 'человек, который лжет', к. 43 'женщина, которая лжет', к. 44 'женщина, которая любит сплетничать'), а с другой – **социальные**, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе (см., например, к. 45 'охотно и хорошо работающий' (о человеке), к. 46 'ленивый, не любящий работать', к. 47 'ленивый человек', к. 34 'скупой, чрезмерно бережливый' и др.).

При этом карты, представляющие «природного» человека, демонстрируют сравнительно низкую лингвокреативную активность диалектов, что само по себе указывает на то, что чувственная, физическая природа человека не имеет особого интереса для языка традиционной культуры славян. Не случайно именно на этих картах содержится больше всего лексем общеславянского распространения (это такие лексемы, как *нѣтъ-Ъ* к. 8 'нѣтъ(-жъ)', *слѣп-Ъ* к. 9 'слѣръ(-жъ)', *хром-Ъ* к. 17 'хромой' (о человеке), *глух-Ъ* к. 12 'глухой человек' и др.).

Тогда как самая высокая степень лексической загруженности наблюдается на картах, посвященных репрезентации человека как личности социальной и духовной, ср., например, к. 32 'глупый человек, дурак', к. 44 'женщина, которая любит сплетничать', к. 47 'ленивый человек' (на которых зафиксировано более двухсот наименований, для сравнения можно привести к. 8 'нѣтъ (-жъ)', где представлено всего 47 лексем). Причем в разных славянских языках лексическая и словообразовательная плотность карт варьируется.

Так, например, в **хорватских** диалектах среди карт, посвященных человеку как личности социальной и духовной, самыми лексически загруженными являются карты:

к. 32 'глупый человек, дурак' хрв.: (*bed*)-*ak-ъ* (bedǫ:k), (*bedav*)-Ъ ('be:daf), *glup-an-ъ* (glúpan), [*xlep*]-*ač-ъ* (x'lepa:č), (*xor*)-*m=ak-ъ* (xor'mǫ:k), *lep-ux-ъ* ('lepux), *lud-ъ* (lù:d), *ne-verm-en-ъn-Ъ* (nevremè:n), (*nor*)-*ъc-ъ* ('norc), (*sa-mar*)-ъ (samǫ:r), (*sord*)-*ast-Ъ* (sò:rdast), *tjudj-ъk-ъ* (tùojk)¹;

к. 45 'охотно и хорошо работающий' хрв.: *dě-l-av-ъn-Ъ* (dìelovan), *fatijatun-Ъ* (fati'jatù:n), *mar-ъl-iv-Ъ* (marlì:f), *po-sъl-en-Ъ* (pò:slen), *rad-ъn-Ъ* (rǫ:dan), *rad-in-Ъ* ('radi:n), *rad-iš-ъn-Ъ* (ra'dišan), *rad-ъl-iv-Ъ* ('rǫdl'if), *ra-d-ov-ъn-Ъ* (ràdovan),

¹ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в «Общеславянском лингвистическом атласе», в скобках приводятся диалектные лексемы.

skŭrb-ьн-Ъ (s'kŭrban), *сь-lož-en-Ъ* (s'lʊožen), *val-ь=-at-Ъ* (válat), (*verd*)-ьн-Ъ (vré:dan), *žest-ok-Ъ* (žèsto:k).

В болгарских диалектах такими картами являются:

к. 47 'ленивый человек' блг.: *ajnaži-j-a* (hajna'žijʌ), *ajlak-ъ* (xaj'lʌk), *dembel-in-ъ* (dem'bel'in), *xajlaz-in-ъ* (xaj'lʌzin), *kal-pazan-in-ъ* (kəpʌzʌnin), *lěn-bl-ь=-o* ('lenl'o), *lěn-ьt-ь=-o* ('lʌnt'u), *lěn-ьt-ь=-ag-a* (lent'aga), *lěn-ьč-o* ('lenču), *lež-bl-ь=-ak-ъ* ('ležl'ak), *lež-ač-ь* (le'žač), *lež-ьj-ak-ъ* ('ležjak), *lež-e-val-ьн-ik-ъ* (ležo'vajnik), *mъrz-bl-ь=-o* (m'ŕzl'o), *mъrz-el-an-ъ* (mərze'ʌn), *mъrz-el-ь=-an-ъ* (mŕze'l'ʌn), *mъrZ-bl-iv-Ъ* (mŕz'lif), *mъrz-el-iv-Ъ* (mərza'l'if), *mъrz-el-an-ьk-o* (mərze'ʌnku), *mъrz-el-iv-ьc-ь* (mərze'lives), *mъrz-el-iv-ьk-o* (mərze'lifko), *mъrz-el-ь=-ak-ъ* (mŕze'l'ak), *muxljuz-in-ъ* (muɯ'l'uzin), *ne-ŭrb-ot-ьн-ič-in-a* (nera'botničina), *pro-pad-l-j-a* (pro'padl'a), *trъntur-ъ* (t'rəntur);

к. 39 'человек, котрый любит хвалиться, хвастун' блг.: *xval-i-gqz-ic-a* (fa'ligazica), *xval-ьk-o* ('fal'kə), *xval-/(ži)-j-a* (fal'žijə), *xval-ьb-A-(ži)-j-a* (vəʎəbə'žij), *xval-i-pъrd-ьl-ь=-o* (flip'rədl'u), *xval-ič-ь* (fə'lič), *xval-ьb-ič-ь* ('fl'bič), *xval-ьc-ь* ('fa'č), *xval-ač-ь* (fa'lač), *xval-i-pъrc-ьk-o* (faʎp'rəcku), *xval-i-pъrc-ьl-ь=-o* (fə'liprəcl'u), *xval-ič-ьk-o* (fa'ličku), *xval-ь=-o-pъrd-ъ* (fil'up'rət), *xval-ь=-o-pъrd-ь=-ov-ьc-ь* (fal'o'pŕdʌoves), *xval-i-[trъc]-ьk-o* (falit'rəcku), (*фь-los*)-ъ (fə'ʎos), *fuk-ьl-j-o* ('fukl'o), *fuk-ьl-j-a* ('vukl'a), *kuraš-(li)-j-a* (kuraš'lija), *po-xval-i-gqz-ъ* (po'fa'ligas), *po-xval-ьc-ь* (puɯ'le:c), *po-xval-ič-ь* (puva'lič), *po-xval-i-gqz-ic-a* (po'va'liguzica), *sam-o-xval-ьk-o* (samo'fa'ku), *tъr-tъr-am-ъ* (tərta'ram), *žambaz-ъ* (žəmbə'za).

А в украинских диалектах самая высокая степень лексической загруженности наблюдается на к. 44 'женщина, которая любит сплетничать': **укр.:** *brex-a* (b'rexa), *brex-ux-a* (brə'xuxa), *brex-ač-ьk-a* (bre'xačka), *brex-un-ьk-a* (brɪ'xunka), *cok-ot-ux-a* (coko'tuxa), *dur-o-plet-ьk-a* (durop'l'otka), *xvost-o-mel-j-a* (fəst'u'mel'a), //*ęzyk-at-A* (jazy'kata), //*ęzyk-ar-ьk-a* (jazy'karka), *klev-et-ux-a* (kləvə'tuxa), *lop-a* ('l'opa), *lop-ot-ux-a* (ləpu'tuxa), *lop-ьk-a* ('l'opka), *lop-ot-a* ('l'apo'ta), *my-j-ьl-a* ('mejʎa), *my-j-ьk-a* ('mɪka), *peŕ-nos-ьk-a* (pere'nʌska), *plesk-ač-ьk-a* (pləs'kačka), *plet-ьн-ič-a* (p'l'otnəs'a), *plet-ьk-ar-ьk-a* (p'l'ot'karka), *plet-ux-a* (pʎu'tuxa), *plet-ь=-uš-ьk-a* (pʎe't'uška), *plet-ьk-a* (p'l'otka), *plet-ьk-ač-ьk-a* (p'l'ot'kačka), *plet-ьk-aš-ьk-a* (plet'kaška), (*pošt*)-a ('pošta), *pošt-ar-ьk-a* (pošt'arka из нем. *Post* 'почта'), *сь-plet-ьн-ič-a* (sp'l'etn'ica), *сь-plet-ьн-ič-ьk-a* (sp'l'otn'ička), *сь-vod-ьн-ič-a* (z'vʊodn'ica), *сьt-o-brex-a* (stob'rexa), *trep-ьl-o* (trep'ʎo), *trep-ux-a* (tre'puxa) (подробнее см.: Вендина Т.И. Онтология лингвистической карты: Монография. М., 2023).

Карты Атласа, таким образом, говорят о том, что система языка – это социально детерминированная система, в которой важную роль играет этический элемент. Номинативная логика названий человека, атрибутирующих те или иные его качества и свойства, не только свидетельствует об их социальной значимости, но и проливает свет на их моральную оценку общественным мнением. Поэтому при отборе тех или иных признаков, характеризующих человека, при их семантизации учитывался принцип их этической значимости, который, естественно, в разных культурах варьируется. Это говорит о том, что язык традиционной культуры является в значительной степени языком морали. Концептуальная база диалектной лексики с ее морально-нормативными предписаниями и запретами отражает различные способы этической рационализации мира.

Об этом свидетельствует и тот факт, что номинация человека как личности социальной и духовной ведется, как правило, с позиций социальной нормы, тех регулятивных категорий, которыми определяются нормы человеческого общежития. Все мотивационные признаки, лежащие в основе субъектных имен, оказыва-

ются связанными с морально-нормативными предписаниями и запретами традиционной духовной культуры славян. Именно этим объясняется высокая лексическая плотность карт, посвященных названию человека глупого, ленивого, скупого или лгуна и сплетницы. Обращает на себя внимание и тот факт, что «сгущение мысли» прослеживается в основном в негативных номинациях. Это говорит о том, что в диалектном лексиконе обвинительные мотивы явно преобладают над оправдательными. В этих именах отражены глубинные установки традиционной культуры славян, которая повелительно требует от человека следовать социальной этике, быть существом деятельным, причастным к труду, т. е. сам материал этих карт является свидетельством нравственно ориентированного отношения человека традиционной культуры к миру.

Отсюда следует, что различная лексическая плотность карт говорит о разной культурной социализации человека в тех или иных диалектах, которая и привела к их дифференциации. Чтобы понять ту логику, которая лежит в основе этой «наивной социологии», нужно найти «участки языкового напряжения», в которых наблюдается повышенная вариативность языковых форм, свидетельствующая о своеобразных «сгустках» языкового смысла, так как механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость и дает возможность понять, **что** является важным для языкового сознания человека той или иной культуры.

В этом смысле карты «Общеславянского лингвистического атласа», по мысли Никиты Ильича, представляют «богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта» [Толстой 1995: 15], поскольку они являют собой образец культурно-языковой диалектологии, позволяющей реконструировать «живую старину» славян.

Культурологическую дифференциацию лингвистического ландшафта Славии ярко иллюстрируют и мотивационные карты. Эти карты позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры. Свообразие номинативной логики при лексической параметризации внешнего мира, особенности его восприятия и категоризации привели к разной сегментации языковым сознанием диалектоносителей одного и того же семантического участка. А это значит, что каждая культура, облеченная в языковую оболочку, говорит на своем языке. Задача исследователя заключается в том, чтобы «прислушаться к ее языку» (см., например, к. 55 'счастье' т. 10 «Народные обычаи», материалы которой говорят о том, что в северной Славии представления о счастье связаны с надеждностью человека долей, частью (*sv-čest-ъj-e*, *dol-j-a*), у лужичан – это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей (ср. *sv-bož-ъj-e*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются со встречей (*sv-řet-j-a*, *sv-rět-j-a*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмысливается как предначертанный человеку свыше путь» [Славянские древности, 5: 203].

Никита Ильич в своих лекциях часто говорил о своеобразии диалектов каждого славянского языка. Это своеобразие особенно ярко проявляется в существовании эксклюзивных образований, которые отличительно характеризуют диалекты лишь одного славянского языка и не выходят за его пределы (ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, как: *mur-aš-ь* (*mu'raš*) к. 41 'муравей' т. 1 «Животный мир»; *zem-j-an-ъk-a* (*z'em'l'anka*) к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; *podъ-dorž-ъn-ik-ь* (*pod:o'rožn'ik*) к. 52 'подорожник' т. 3 «Растительный мир»;

po-gost-ъ (*po'gost*) к. 50 'кладбище' т. 10 «Народные обычаи» и др.; **украинского:** *//ež-ak-ъ* (*ji'žak*) к. 10 'еж' т. 1 «Животный мир»; *cuc-en-ę* (*cucɛ'n'a*) к. 26 'щенок' т. 2 «Животноводство»; *gqst-j-av-in-a* (*hušča'vyna*) к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»; **белорусского:** *zob-a* (*z'uba*) к. 18 'клюв птицы' т. 1 «Животный мир»; *po-par-ъ* (*pa'par*) к. 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года' т. 4 «Сельское хозяйство»; *tъlst-ost-ъ, съ-dor-ъ* (*t'hustas'c', zdor*) к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; **польского:** *jask-ol-ъk-a* (*jaskulka, jaskoŭka*) к. 24 'ласточка' т. 1 «Животный мир»; *kot-ic-a* (*koćica*) к. 16 'кошка' т. 2 «Животноводство»; *ne-za-po-min-a-j-ъk-a* (*ńizapom'inajka*) к. 53 'незабудка' т. 3 «Растительный мир»; **лужицкого:** *potpul-a* (*poɕpula, 'paćpula*) к. 22 'перепелка' т. 1 «Животный мир»; (*bar*)-ъ (*bar*) к. 5 'медведь' т. 1 «Животный мир»; (*kast*)-ъ (*kašć, kaħć*) к. 48 'гроб' т. 10 «Народные обычаи»; **чешского:** *šćik-a* (*šćika*) к. 37 'щука' т. 1 «Животный мир»; *čar-ъ* (*ča:p*) к. 29 'аист' т. 1 «Животный мир»; *seĭk-aĭ-ъ* (*seĭka:ĭ*) к. 70 'мужчина, который косит косой' т. 4 «Сельское хозяйство»; **словацкого:** *smag-ъ* (*smat*) к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; (*olovrant*)-ъ (*olovrant*) к. 61 'полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *paĭ-i-tъ* <se> (*pa:ĭi: sa mi*) к. 2 'нравится' т. 10 «Народные обычаи»; **словенского:** (*pantegan*)-a (*podgá:na*) к. 13 'крыса' т. 1 «Животный мир»; *pět-el-in-ъ* (*pete'li:n*) к. 11 'петух' т. 2 «Животноводство»; *čъbel-ar-ъ* (*čъbъlar*) к. 27 'человек, который разводит пчел' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; **хорватского:** *kuk-ov-aĭ-a* (*ku'kuvaĭa*) к. 21 'кукушка' т. 1 «Животный мир»; *bor-ov-ic-a* (*bo'rovicъ*) к. 47 'брусника' т. 3 «Растительный мир»; *dět-ъĭ-ъk-o* (*'deĭko*) к. 8 'жених' т. 10 «Народные обычаи»; **сербского:** *кър-ljusk-j-ъ* (*кър'лу:š*) к. 39 'чешуя рыбы' т. 1 «Животный мир»; *stъrv-in-av-in-a* (*stъrvina*) к. 51 'падаль, дохлое животное' т. 2 «Животноводство»; **македонского:** *maĭ-or-ъk-ъ* (*maĭorok*) к. 10 'кот' т. 2 «Животноводство»; *volk-ъn-a* (*'vlakna*) к. 46 'шерсть' т. 2 «Животноводство»; *paĭ-ъk-a* (*'paĭka*), *o-paĭ-ъk-a* (*o'paĭka*) к. 48 'хвост' т. 2 «Животноводство»; **болгарского:** *pri-lěp-ъ* (*'prilep*) к. 15 'летучая мышь' т. 1 «Животный мир»; *klъv-aĭ-ъ* (*ka'l'vaĭ*) к. 20 'дятел' т. 1 «Животный мир»; *bul-ъk-a* (*bulka*) к. 11 'женщина в день свадьбы' т. 10 «Народные обычаи» и др.).

Эти эксклюзивы являются яркой реализацией этнической идентичности, поскольку система языка – это социально детерминированная система, и этническое является ее конституирующим элементом. Процесс созревания этнополитического самосознания, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику, осознание своей общности и вместе с ней исключительности обретал в этих именах дополнительный стимул.

Основная причина появления эксклюзивов, по мнению Никиты Ильича, связана со своеобразием номинативной логики в лексической параметризации окружающего мира, с особенностями осмысления предметов и явлений внешнего мира языковыми средствами. своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий, и соответственно разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики, определяющей «портретное» своеобразие тех или иных диалектов.

Все это подтверждает мысль Никиты Ильича о том, что карты Атласа наряду с ареальной дифференциацией славянских диалектов иллюстрируют и культурно-языковую, поскольку лексическая вариативность мотивирована не только функ-

ционально, но и культурологически. Отсюда и различия в конфигурации смыслов и лексической плотности карт. Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности решать задачи компаративистики, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную – рассмотреть тот или иной славянский диалект как этнографическую единицу в общеславянском контексте, доказав возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии.

Идеи Никиты Ильича продолжают свою жизнь в трудах его многочисленных учеников и последователей, так как современная компаративистика раздвинула рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию. В центре внимания ученых все чаще оказывается триада *язык – культура – человеческая личность*. Из лингвистики «в самой себе и для себя» (Ф. де Соссюр) она превратилась в «зачем/почему-лингвистику» (А.Е. Кибрик). И в этом превращении в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит Никите Ильичу. Опора на лингвистическую реконструкцию когнитивной структуры диалектного слова, считал он, позволит перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т.е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Поэтому современный этап развития диалектологии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «аналитической, объясняющей диалектологии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры. Выход диалектологии в герменевтическое пространство языка культуры позволит развить культурно-языковую диалектологию, так как адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на содержательную функцию языка.

Изучение проблемы дифференциации славянских языков в этом аспекте обещает выявить новые интересные данные не только для сравнительно-исторического языкознания в плане взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского, но и для культурной антропологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумбольдт 1984 – *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 397 с.
- Лихачев 1996 – *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996. 158, [1] с.
- Славянские древности – Славянские древности: В 5 т. М., 1995–2012.
- Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 509 с.
- Толстой 1997 – *Толстой Н.И.* О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // Толстой Н.И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. I. М., 1997. С. 111–113.

REFERENCES

- Humboldt 1984 – Humboldt W. (1984) Selected Works on Linguistics. Moscow. 397 p.
- Likhachev 1996 – Likhachev D.S. (1996) Essays on the Philosophy of Artistic Creativity. St. Petersburg. 158, [1] p.
- Slavic Antiquities: In 5 vols. Moscow. 1995–2012.

Tolstoy 1995 – Tolstoy N.I. (1995) Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics. Moscow. 509 p.

Tolstoy 1997 – Tolstoy N.I. On Some Possibilities of Lexical-semantic Reconstruction of Proto-Slavic Dialects. In: Tolstoy N.I. Selected Works. Slavic Lexicology and Semasiology. Vol. I. Moscow. 1997, pp. 111–113.

Сведения об авторе:

Татьяна Ивановна Вендина,
доктор филол. наук
профессор
руководитель центра ареальной
лингвистики
Институт славяноведения РАН

Tatiana I. Vendina,
Doctor of Philology
Professor
Head of the Center for Areal Linguistics
Institute of Slavic Studies RAS

vendit@rambler.ru